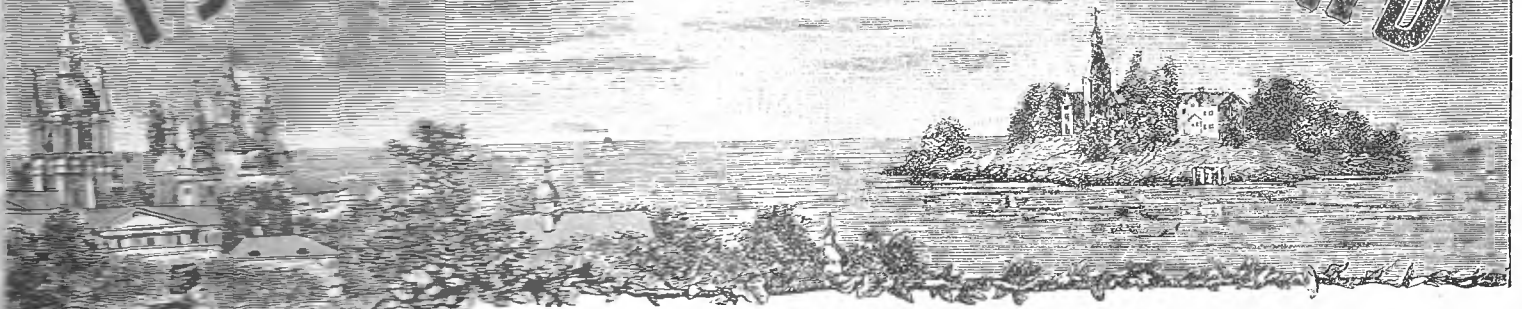

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI.

— № 3 —

15 Января 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особыя ПРИЛОЖЕНІЯ.

Подписная цена на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р., въ Моск. и вѣд. востокъ Россіи 6 р., въ дальнюю 7 р., въ мѣсяцъ 50 к. За доставку 10 р. Отдѣльно 10 к. Отдѣльно для членовъ общины въ мѣсяцъ 30 к. Отдѣльно для членовъ общины въ мѣсяцъ 30 к. Отдѣльно для членовъ общины въ мѣсяцъ 30 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, соотв. домъ. Городскіе обращаются въ отопленіе конторы: Невскій просп., с. № 96, уголъ Надеждинской.

Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году номера журнала со съѣми приложеніями.

За перемѣну адреса городскою на иногородній, или иногородняю на городскую, взимается 50 коп. — городскою на городскую или иногородняю на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣдѣствами.

ПОСЛѢ БИТВЫ НА КАЛКЪ.

(Къ статьѣ: „Погѣха кровавая“).

Завѣтъ родительскій.

(Изъ житій святыхъ).

ДѢТИ! Поступайте всегда такъ, какъ я говорилъ вамъ. Какія бы напасти ни постигли васъ, вспомните вашего отца, который съ кротостью и любовью принималъ отъ Господа всѣ испытанія и достигъ старости съ чистой совѣстью предъ людьми и предъ Богомъ. Не безгрѣшенъ я, — кто не согрѣшитъ! — но видитъ Богъ, какъ я старался исполнить Его волю святою въ этомъ грѣшномъ мірѣ; видитъ Богъ, какъ стремился я оправдать въ своей жизни святѣйшее званіе христіанина! Вспоминайте же вашего отца и не заставляйте его на старости проливать слезы о томъ, что онъ не сумѣлъ вдохнуть въ своихъ дѣтей пламенную ревность о благочестіи во имя Христа Сына Божія, пострадавшаго за родъ человѣческій.

„Свидѣтельствую моею совѣстью, что не по тщеславію я завѣщаю вамъ это поученіе. Какое можетъ быть тщеславіе у насъ передъ Христомъ Страдальцемъ, благоволившимъ взойти на крестъ, чтобы искупить грѣхъ людскіе! Ни одинъ мигъ не давалъ я въ душѣ своей мѣста гордынѣ. И указываю вамъ на себя только для того, чтобы облегчить вамъ неуклонное шествіе по пути добродѣтелей христіанскихъ.

„Вы уже знаете, какъ трудно человѣку бороться съ грѣховными немощами, когда онъ видитъ грѣхъ передъ собой, а добродѣтель — гдѣ-то вдали отъ земли и отъ людей, въ какой-то заоблачной выси, куда можно парить только въ мечтахъ своихъ. И я боюсь, чтобы среди искушеній вы не подумали, что и бесполезно стремиться къ добродѣтели, такъ какъ она недостижима. Вспоминайте же родителей своихъ и подражайте вѣрѣ ихъ.

„Хватить у васъ мужества и ревности для того, чтобы превзойти насъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ — вы этимъ только порадуете родительское сердце: да будетъ съ вами благодать Божія и преизбудетъ! Но, по крайней мѣрѣ, не отстаньте отъ насъ. То, чего мы достигли, что вы воспріяли въ себя съ молокомъ матери, да живетъ въ вашихъ сердцахъ твердо и нерушимо!

„Благослови васъ Богъ ревностно подвизаться въ наукахъ для просвѣщенія ума и сердца свѣтомъ боговѣдѣнія! Да хранитъ васъ Господь на стезяхъ вѣры и благочестія!“...

Счастливы родители, которые съ такимъ дерзновеніемъ предъ Богомъ могутъ наставлять дѣтей своихъ. Счастливы дѣти, которыя могутъ услышать изъ родительскихъ устъ такое теплое и искреннее назиданіе. Глубоко западутъ въ ихъ душу свѣтлые образы отца и матери! И развѣ въ тѣ минуты, когда грѣховные соблазны будутъ одолевать юное сердце, не возстанутъ они въ ихъ воспомнаніи? Развѣ не удержатъ ихъ отъ грѣха?

Столь достохвальны были родители свв. юношей Іоанна и Аркадія — преп. Ксенофонтъ и Марія. Жили они въ V вѣкѣ въ Византіи. Жили въ міру и всѣ свои заботы прилагали къ тому, чтобы воспитать въ дѣтяхъ своихъ — свв. Іоаннѣ и Аркадіи — истинныхъ христіанъ, столь пламенно любящихъ Христа, столь углубленныхъ въ Его дѣло искупленія, чтобы слово у нихъ никогда не расходилось съ дѣломъ.

И вотъ, когда настало время отправить юношей въ г. Беритъ для полученія высшаго образованія, св. Ксенофонтъ, разставаясь съ дѣтьми, объятый чувствомъ страха и неизвѣстности за ихъ участь, — и обратился къ нимъ съ завѣтомъ вспоминать о родителяхъ, чтобы легче побороть искушенія юности...

Юноши простились съ родителями и отправились въ путь. Они сѣли на корабль, ввѣривъ свою жизнь опытности кормчаго въ надеждѣ на благопріятную погоду. Но Тотъ, Кто сказалъ волненію: „умолкни“ и вѣтру: „перестань“, — можетъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ и воздвигать водную стихію...

Такъ было и при путешествіи свв. братьевъ Іоанна и Аркадія. Корабль, на которомъ они плыли, не выдержалъ натиска валовъ и былъ разбитъ. Св. братья остались цѣлы только по милосердію Божію. Каждый изъ нихъ ухватился за обломокъ разбитаго корабля, и волны выбросили ихъ на берегъ.

Но братья оказались столь удаленными другъ отъ друга, что каждый считалъ другого погибшимъ. И не поемѣя думать о томъ, чтобы какъ-нибудь возвратиться домой и огорчить родительское сердце извѣстіемъ о гибели брата, каждый рѣшилъ оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, куда былъ выброшенъ бурей, предавшись христіанскому подвижничеству...

Потекли дни за днями, годы за годами. А тѣмъ временемъ родители, свв. Ксенофонтъ и Марія, не получая отъ дѣтей никакихъ извѣстій, подумали, что они погибли въ морскомъ путешествіи. Ни одного слова ропота не вырвалось изъ ихъ груди и съ покорностью воле Божіей приняли они это жестокое испытаніе. Только ободренные уже въ сонномъ видѣніи, они возвратились къ надеждѣ, что дѣти живы, и рѣшили искать ихъ.

Они предпріяли путешествіе по разнымъ обителямъ и, дѣйствительно, нашли сыновей своихъ.

Радуюсь столько же встрѣчѣ съ ними, сколько и ревности ихъ о благочестивой жизни, они не пожелали отвлекать ихъ отъ подвига и, сами принявши иночество, оставили дѣтей своихъ въ тѣхъ обителяхъ, въ которыя привелъ ихъ Промыслъ Божій послѣ кораблекрушенія... И переходя отъ подвига къ подвигу, дѣти не только не пали съ той духовной высоты, на которой стояли родители, но и превзошли ихъ...

Вотъ истинный примѣръ любви родительской.

Вотъ плоды истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей.

Вотъ образецъ вѣрности родительскому завѣту.

Іеромонахъ **Феокистъ**.

Помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства.

I.

ОДЪ такимъ заглавіемъ появился въ свѣтъ трудъ извѣстнаго знатока древняго христіанскаго міра—профессора А. С. Лебедева. Трудъ этотъ заслуживаетъ полного уваженія. Въ немъ читатель найдетъ не только интересный очеркъ исторіи благотворительности въ первые вѣка христіанства, но и указанія на тѣ побужденія, которыя руководили первыми христіанами въ ихъ заботахъ и попеченіяхъ о своихъ ближнихъ.

Полезное значеніе труда профессора А. С. Лебедева, съ практической стороны, выражается главнымъ образомъ въ установленіи того въ высшей степени интереснаго факта, что всѣ формы благотворительности, нынѣ столь широко распространенныя въ современномъ намъ обществѣ, не только существовали въ глубокой древности христіанскаго міра, но и были на практикѣ осуществляемы съ неизмѣримо болѣе глубокимъ чувствомъ любви къ ближнему и съ болѣе практически полезными приспособленіями къ потребностямъ времени и мѣста, чѣмъ то порою наблюдается въ данное время въ современныхъ культурныхъ обществахъ.

По изслѣдованіямъ профессора А. С. Лебедева первые годы христіанства представляли собою такія особенности, какія затѣмъ, силою обстоятельствъ, не только подверглись существеннымъ измѣненіямъ, но и приняли иную форму своего выраженія.

Какъ того и слѣдовало ожидать, въ первые вѣка христіанства, когда у всѣхъ вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, понятія о „нуждѣ и бѣдности“ почти не существовало. По словамъ одного мѣста изъ книгъ Дѣяній Апостольскихъ, владѣлецъ полей или другой недвижности, продавая свое имущество, приносилъ цѣну проданнаго къ апостоламъ, причѣмъ каждый нуждавшійся получалъ все то, что ему было необходимо.

Такого рода общность имущества, по словамъ проф. А. С. Лебедева, въ смыслѣ отреченія отъ собственности въ общую пользу, къ сожалѣнію, существовала не всюду, а лишь въ іерусалимской общинѣ, да и то не долгое время. Благодаря этому, наиболѣе распространенной формой благотворенія въ первые вѣка христіанства была главнымъ образомъ частная помощь, а затѣмъ уже общественная.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ современниковъ (Тертуллиана), въ первые вѣка христіанства „домъ каждаго христіанина, его столъ и его житницы гостепріимно были открыты для всѣхъ собратій; жены христіанъ наперерывъ спѣшили во всѣхъ мѣстахъ подавать помощь бѣднымъ и посѣщать самыхъ смиренныхъ жилища“.

Уменьшеніе нужды бѣдныхъ и немощныхъ являлось для лицъ, въ то время признаваемыхъ мате-

риально обеспеченными, однимъ изъ главныхъ и существенныхъ побужденій въ ихъ благотворительной дѣятельности: каждый изъ нихъ излишекъ своего владѣнія стремился немедленно обратить на пользу нуждающихся, ставя при этомъ себѣ въ обязанность отысканіе бѣдныхъ, голодныхъ и больныхъ...

Такова была форма частной благотворительности.

Что касается до общественной формы благотворенія, то эта послѣдняя наиболѣе часто выражалась въ устройствѣ особыхъ „братскихъ обѣдовъ“ или „вечеръ любви“. Такія вечера въ древности носила наименованіе *агаты*, т. е. вечера *любви*.

Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ. Среди вѣрующихъ существовалъ обычай доставлять за свой счетъ хлѣбъ и вино для таинства евхаристіи. При этомъ къ богослуженію доставлялось обыкновенно болѣе, чѣмъ то было необходимо. Излишекъ въ этомъ случаѣ и поступалъ въ пользу бѣдныхъ. Независимо отъ этого среди тѣхъ же вѣрующихъ существовалъ обычай еженедѣльно или ежемѣсячно вручать диакону или епископу приношеніе деньгами и вещами; эти послѣднія были продаваемы, и вырученныя суммы были расходуются на нужды бѣдныхъ и на ихъ прокормленіе.

Приношенія на дѣла благотворенія всецѣло зависѣли отъ воли и желанія жертвователей; каждый давалъ что могъ и что желалъ: принужденій къ пожертвованіямъ никто не испытывалъ.

Въ этомъ отношеніи церковь руководствовалась взглядами апостола Павла, требовавшего, чтобы „каждый удѣлялъ на дѣло благотворенія по расположенію сердца“, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ „ибо только добродетельно дающаго любить Богъ“.

Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе, да и то въ слабой степени, древняя церковь обнаруживала въ отношеніи постовъ, дѣлая ихъ источникомъ дохода для нуждъ благотворенія путемъ обязательствъ постящихся извѣстными размѣрами пожертвованій.

По словамъ автора разсматриваемаго труда, въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ христіанской письменности встрѣчаются иногда такія наставленія касательно исполненія постовъ, какія своею конечною цѣлью имѣютъ опредѣленіе размѣра пожертвованій на дѣло благотворенія, предназначавшихся во имя справедливости на нужды мѣстныхъ обывателей и поступавшихъ въ общую церковную кассу.

Къ числу такихъ наставленій, между прочимъ, принадлежитъ и слѣдующее. „Въ тотъ день,—сказано въ этомъ наставленіи,—въ который ты постишься, ничего не вкушая, кромѣ хлѣба и воды, исчисли издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу (по примѣру прежнихъ дней), и остающіяся отъ этого издержки дня отложи и отдай вдовѣ, сиротѣ, бѣднымъ“.

Впрочемъ, такого рода наставленіе имѣло скорѣе характеръ совѣта, а не требованія пожертвованія въ пользу нуждающихся.

Кромѣ обыкновенныхъ пожертвованій, въ древней церковной исторіи мы встрѣчаемъ пожертвованія „чрезвычайныя“ въ видѣ значительныхъ отчисленій въ пользу церквей въ цѣляхъ развитія и поддержанія мѣстной благотворительности.

Изъ поступавшихъ пожертвованій составлялась „общая касса“, средства которой и расходовались на вспомоществованіе каждому нуждавшемуся въ помощи: нищимъ, больнымъ, вдовамъ, сиротамъ, старикамъ и т. п.

При оказаніи денежной помощи отцы христіанской церкви первыхъ вѣковъ руководствовались особыми взглядами. Между этими послѣдними особаго вниманія заслуживаетъ тотъ изъ нихъ, который липаетъ благотворительной помощи тѣхъ изъ нуждавшихся, которые могли трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе.

Соотвѣтственно такому взгляду древняя церковь признавала, что „всякому нуждающемуся въ пропитаніи, но способному къ работѣ, должна быть дана работа, но отнюдь не пособіе деньгами. Неспособному же къ работѣ должна быть выдаваема помощь сообразно нуждѣ.

Благодаря этому праздность и лѣнь не только не поощрялись, но энергично преслѣдовались. Празднопатающіеся и лѣнливые, но вполне способные къ труду, если прибѣгали къ помощи церковной кассы, могли рассчитывать лишь на полученіе работы, но отнюдь не денежныхъ или иныхъ какихъ-либо пособій.

Отсюда становятся понятными тѣ изреченія, какія мы постоянно встрѣчаемъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ и которыя буквально производятъ чарующее впечатлѣніе по своей правдивости. Лѣньность, напр., по словамъ апостоловъ, „есть стыдъ, и кто не трудится, тотъ не долженъ и ѣсть, потому что празднолюбцевъ Господь ненавидитъ и всякій, кто почитаетъ Бога, не долженъ быть лѣнливымъ“. Далѣе. „Кто самъ можетъ работать и, однако, принимаетъ милостыню, тотъ крадетъ хлѣбъ у дѣйствительно бѣдныхъ“.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, характеръ благотворительности въ первые вѣка христіанства.

Мы намѣренно остановились болѣе подробно на описаніи особенностей христіанской помощи въ этотъ періодъ времени, такъ какъ во все послѣдующіе періоды дѣятельности церкви на пользу больныхъ и слабыхъ если мы и встрѣтимъ болѣе успѣшное развитіе формъ благотворительности, зато уже, увы, не видимъ той чистоты чувствъ и той искренности въ дѣлѣ помощи нуждавшимся, которыя одни только и придаютъ истинный смыслъ отказу отъ благъ земныхъ въ пользу больного и страждущаго человѣчества.

Ив. Ос. Фесенно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Недугъ.

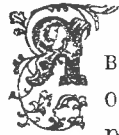
Въ огнѣ, въ когтяхъ мучителя недуга
Какъ тяжело быть, остаться одному!
Остаться безъ родныхъ, страдать безъ друга
Не дай, Господь, на свѣтѣ никому!
Съ горячихъ устъ слетаетъ горькій шопоть:
Большую мысль смущаетъ демонъ зла:
То жалобы, а въ нихъ таится ропоть,
То испытанія пора пришла...

О, Господи, безъ близкаго, безъ друга
Какъ тяжело быть на свѣтѣ одному!
Безъ помощи въ огнѣ, въ когтяхъ недуга
Не доведи остаться никому!

Ф. Пестряковъ.

Мелочи супружества.

„Жизнь въ семьѣ“. — „Кроткая“, Достоевскаго. — „Изъ письма одной женщины“, М. Крестовской.

Возвращаюсь къ своимъ будничнымъ бесѣдамъ о будничныхъ отношеніяхъ и будничныхъ интересахъ дня. Хочется отвѣтить на вопросъ, который мнѣ задавали не разъ: *почему такъ трудно соблюсти миръ въ семьѣ? Отчего такъ рѣдки счастливыя семьи?* — То, что я хочу говорить, будетъ очень элементарно и просто. Я говорю для всякой семьи всякаго культурнаго уровня.

Думаю, что главная болѣзнь нашей семьи это — неумѣніе прощать или неумѣніе понимать. Понять значить простить. Мы не умѣемъ понимать...

Причины разлада въ семьѣ очень часто болѣе чѣмъ маленькія, совсѣмъ мелкія. Въ семьѣ низкаго культурнаго уровня нерѣдко приходится сталкиваться съ рѣзко выраженнымъ неустройствомъ семьи. Мужъ пьяница, — больше того — насильникъ, который въ пьяномъ видѣ совсѣмъ не щадитъ своей жены, — не рѣдкость. Но, кажется, даже здѣсь насиліе и ярко выраженная семейная беспорядочность далеко не всегда причины разлада. Гораздо важнѣе *мелочи*, которыя уничтожаютъ семейный ладъ.

Можно, не трогая пальцемъ жену, свести ее въ могилу, можно разбить семью, даже при видимо совсѣмъ христіанской жизни. Есть люди, которые, какъ будто даже не обижаютъ, но съ ними жить душнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ. Есть и такіе мужья: около него холодно, жена не знаетъ, какъ и подойти, онъ и не прикрикнетъ громко, но нѣтъ въ немъ и ласки, не умѣетъ онъ поддержать, согрѣть душу той, которая къ нему близка, душу жены.

А то бываютъ мужья: провинится передъ нимъ жена, нужно бы погнѣваться и потомъ простить, если даже великая вина. А онъ нѣтъ, годами злобу носить. Конечно, душа такого мужа безъ Христа, безъ Бога, и если жена возненавидитъ его, — его въ томъ вина.

Бываютъ еще мужья и не злые, а такъ „не чувствіе“, что ли... Они и не хотѣли бы обидѣть, но не воспитали себя, не ставятъ ни во что сказать недоброе

СВЯТЫЙ ПОДВИЖНИКЪ ІОАННЪ ВО ВРЕМЯ КОРАБЛЕКРУШЕНІЯ.
(Память 26 января. — Рисунокъ М. Андреева. — Къ стр. 84).

слово. Заплачетъ жена отъ обиды, они и не понимаютъ, что такое. Капризъ... Не понимаетъ ихъ огрубѣвшее сердце, какую боль иногда можно однимъ неосторожнымъ словомъ причинить.

Такіе мужья должны бы подумать о себѣ хорошенько: что ужъ за человѣкъ, который нечаянно можетъ обидѣть! Это, пожалуй, хуже даже намѣренной обиды. Какая же у человѣка душа, что онъ даже и не чувствуетъ, когда дѣлаетъ зло. Явно нехристианская душа, еще не „крещеная душа“.

То же нужно сказать о тѣхъ мужьяхъ, на которыхъ „не угодить“. И щи не солены, и каша подгорѣла! Не хочетъ человѣкъ и понять, что и женѣ хорошая каша вкуснѣе—что же подѣлаешь, если такая бѣда случилась! Иной разъ у жены отъ работы голова плетъ кругомъ, не доглядишь. А коль мужъ и жена другъ другу прощаютъ да извиняютъ, то съ любовью и лаской и подгорѣлая каша хороша.

Ради Бога слѣдите за собой. Иначе, кто знаетъ, можетъ случиться, что какая-нибудь мелочь, какое-нибудь слово каждый день будетъ понемногу отодвигать отъ васъ жену и ея любовь, и вы не успѣете оглянуться, какъ изъ мелочей, изъ крошечныхъ „дцаралинь“ вырастаетъ между вами вопросъ, изъ любви родится ненависть.. И вмѣсто счастья придетъ смерть...

Вспомните „Кроткую“ Достоевскаго. Онъ (мужъ) любилъ ее, она—его. И хорошо, крѣпко любить. А въ результатѣ она—съ иконой въ рукахъ бросается изъ верхняго этажа и разбивается о мостовую замертво. Предъ тѣмъ, какъ рѣшиться на злое дѣло, она часами молится предъ иконой Богородицы. Отчего она ушла отъ жизни? А потому, что у него была „система“. Онъ рѣшилъ, что не позволитъ женѣ выйти изъ рамокъ строгости. Она должна быть въ его повиновеніи. „Не нужно давать ей саншкомъ много думать о себѣ“. Когда ей хотѣлось броситься къ мужу на шею, разсказать все, что думается, о чемъ тоскуется, онъ холодно останавливалъ ее, потому что, по его мнѣнію, эти порывы не соответствовали серьезной семьѣ, и онъ отвѣчалъ на ея порывы „системою и серьезностью“. Она начала молчать, отходить отъ него. Онъ отвѣчалъ полчаніемъ: должна, дескать, сдаться. И все дальше и дальше—изъ маленькихъ уколовъ и маленькихъ обидъ она лагалась пропасть, пока, наконецъ, она не бросилась сверху внизъ.

Еще чаще „безсистемное“ отсутствіе нравственной чуткости въ мужѣ. Мужъ бросаетъ обидныя слова, совершенно даже не понимая, что этими словами можетъ обидѣть, вызвать слезы, „боль“. Принято думать, что эта малая чуткость не есть преступленіе, что это простительно. Мнѣ думается, что отсутствіе такой чуткости хуже убійства, потому что убійство иногда—злой порывъ, а здѣсь полная невоспитанность неукротенной души, совершенная невоздѣланность совѣсти, которая ничуть не лучше убійства...

А еще... Невнимательность къ порывамъ женщины, къ интересамъ ея души, высокоумно презрительный взглядъ на женщину, которая создана будто бы для дѣтской и кухни...

Молодая женщина, какого бы она сословія ни была, не хочетъ и не можетъ все время быть одна, и если мужъ ее постоянно покидаетъ для какихъ угодно развлеченій—или даже серьезныхъ дѣлъ, онъ несомнѣнно *разрываетъ брачныя связи, уничтожаетъ бракъ и готовитъ для него крахъ.*

Напомню нѣсколько строкъ изъ „Женской жизни“ Крестовской. Молодая женщина пишетъ своей подругѣ о ея жизни въ бракѣ. Она боится еще сказать, что она несчастна, что она не можетъ дальше жить такъ, какъ живетъ, но это чувствуется въ каждой строкѣ ея письма.

„Быть можетъ, если бы мужъ чаще бывалъ со мной, если бы онъ попрежнему... былъ влюбленъ въ меня или если бы хоть отдавалъ мнѣ только четвертую часть своего времени, такія недостойныя и унижающія меня въ собственныхъ глазахъ мысли не приходили бы мнѣ въ голову. Но его почти никогда нѣтъ съ нами, а когда онъ и пріѣзжаетъ къ намъ на какіе-нибудь два-три дня, то всегда такимъ озабоченнымъ и разстроеннымъ дѣлами своего журнала, что почти не замѣчаетъ не только меня, но даже и дѣтей своихъ.“

„Пока его нѣтъ, я каждый разъ такъ горячо жду его; въ душѣ накапливается столько мыслей и чувствъ, и впечатлѣній, которыми хочется подѣлиться съ нимъ, и я мечтаю, какъ дѣвушка, о томъ, какъ онъ пріѣдетъ, какъ опять я увижу его милое, такъ знакомое мнѣ лицо, въ которомъ знаю и помню каждую черточку и которое вижу теперь такъ рѣдко; опять услышу его голосъ, опять прижмусь къ груди его. И въ мечтахъ это выходитъ такъ радостно и хорошо. Но онъ пріѣзжаетъ, и вмѣсто всего, чего я такъ ждала, о чемъ такъ мечтала, я вижу только его равнодушное, усталое, почти злое лицо, слышу его рѣзкую, нетерпѣливую манеру говорить, которую онъ почему-то усвоилъ со мной за послѣднее время, и меня въ свою очередь охватываетъ недоброе чувство къ нему; въ душѣ поднимается сознаніе какой-то глубокой обиды,—и страстное желаніе видѣть его невольно потухаетъ, и оскорбленная имъ, быть можетъ, даже безсознательно для него самого, я невольно ухожу опять въ себя и молчу съ какой-то горькой обидой на сердцѣ“.

И вотъ въ душѣ этой женщины завелся, по ея словамъ, еще „маленькій“, но въ дѣйствительности—далеко не незначительно отдѣльный отъ него міръ, своего рода „Secret jardin“ и „Тайный садъ“, въ которомъ она научилась жить, думать и мечтать безъ него, у нея уже есть многое, чѣмъ, по какому-то стыдливому чувству, она отвыкла дѣлиться съ нимъ и что ей несравненно легче высказать чужому, чѣмъ мужу. Что удивительнаго, что немного позднѣе та же женщина впустила

въ свой міръ, въ свой тайный садъ, и „врага“—чужого, третьяго человѣка.

„Всѣ мои мысли еще полны мужемъ,—пишетъ героиня разсказа Крестовской,—но онъ уже не участникъ ихъ, не знаетъ ихъ... и, говоря правду, даже и не интересуется знать ихъ, не понимаю сама, какъ это могло случиться“...

Она не понимаетъ, какъ это могло случиться. Но для всякаго посторонняго это совсѣмъ понятно. Изъ мелочей, пренебрежительнаго отношенія мужа къ ней, изъ мелкихъ обидъ ея самолюбію, мелкихъ оскорбленій, которыхъ она сама не сознавала опредѣленно, въ ней уже сложилась внутренняя нелюбовь къ мужу, которая, конечно, совсѣмъ погаситъ остатки пока еще большой прежней любви къ нему.

И къ этому чаще всего сводится разладъ во всѣхъ семьяхъ: невнимательности къ другой душѣ, пренебреженію къ этой душѣ, нежеланію вслушаться въ то, что дѣлается въ душѣ другого.

Вспомните конецъ „Кроткой“, эти выкрики мужа, который „убилъ жену системой“:

— *„О, дико, дико! Недоразумѣніе. Неправдоподобіе. Невозможность!—кричитъ онъ.—нѣтъ! Развѣ это правдоподобно? Развѣ можно сказать, что это возможно? Для чего, зачѣмъ умерла эта женщина? Главное, обидно то, что все это случай—простой, варварскій, косный случай. Вотъ обидно. Пять минутъ, всего, всего только пять минутъ, опоздалъ. Приди я за пять минутъ—и многоженіе пронеслось бы мимо, какъ облако, и ей бы никогда потомъ не пришло въ голову. И кончилось бы тѣмъ, что она бы все поняла и все простила. А теперь опять пустыя камнаты, я одинъ. Вонъ маятникъ стучать, ему дѣла нѣтъ, ему ничего не жаль. Нѣтъ никого“...*
Онъ опоздалъ на „пять минутъ“. Какъ это страшно!..

Теперь два слова женѣ-христіанкѣ.

Жена... Она еще больше должна прощать. Семья—крестъ, какъ и вся наша земная жизнь. Это подвигъ. Богомъ на насъ возложенный.

Много радостей можетъ дать замужество, семья. Рядомъ человѣкъ близкій, родной: все вмѣстѣ: и горе, и радость. Но зато много и горькаго иногда въ замужествѣ: мужъ попадетъ неудачникъ—обижаетъ, а не то—пьетъ. Что подѣлаешь! Съ Христомъ потерпите.

Прощайте и мужу. Не безъ причины и онъ иногда обидитъ. Правда, въ-то иногда не виноваты, попадетъ даромъ, но поразспросите-ка, не случилось ли чего съ нимъ? Можетъ, его что раздражило, его кто обидѣлъ, и онъ на васъ хочетъ сорвать гнѣвъ. Не хорошо это, но что дѣлать? Это понятно, и нужно прощать, снисходительно относиться къ немощамъ человѣческимъ.

Отвѣйте ему на грубое слово грубостью, порокъ—онъ озлобится, и будетъ хуже. Пожалѣйте его, промолчите, а то приласкайте, и ему станетъ стыдно за его грубость. Помните, что и устаютъ онъ очень, а усталый человѣкъ легко можетъ быть и несправедливымъ.

Не сердитесь на него, постарайтесь, чтобы онъ отдохнулъ хорошенько. Конечно, есть мужья, которымъ все не по ихъ вкусу: „обѣдъ плохъ“, расходы кажутся большими,—трудно съ такимъ мужемъ поладить. А вы молитесь: Господь поможетъ. Главное помните: людей злыхъ мало, только люди сердцемъ остыли. Часто они и не понимаютъ, что ихъ слово очень обидитъ, что отъ ихъ слова другой человѣкъ, — жена, напр.,—ночи плачетъ... Что же съ ними подѣлаешь: жизнь ихъ ожесточила! Молитесь да прощайте Христа ради,—можетъ, и откроются ихъ глаза и поймутъ они, что за каждымъ словомъ слѣдить надо, что слово иногда бьетъ больнѣе, чѣмъ ударъ.

Архим. Михаилъ.

А снѣговой своей постели
Зима простерта въ забытьи:
Поютъ суровыя мятели
Ей пѣсни грустныя свои!

Подъ ихъ напѣвъ однообразный
И пѣсня тихая моя
Звучитъ, какъ стонъ откликъ праздный,
Изъ сферъ иного бытія!

Но чувства въ сердцѣ также юны,
Какъ въ незабвенный день весны,
Когда въ груди дрожали струны
И счастья грезились мнѣ сны!

В. Ракинъ.

Не мечомъ, а вѣрою.

ИСУСЪ Христосъ предсказалъ Своимъ ученикамъ о наступленіи времени, когда всякій, убивающій ихъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу. И оно, дѣйствительно, скоро наступило. Въ первые вѣка христіане выдержали рядъ жестокихъ гоненій. Римскія власти хотѣли совершенно стертъ съ лица земли христіанство. Не просто убивали исповѣдниковъ Христа, а придумывали для нихъ самыя лютыя казни, чтобы терроризировать другихъ вѣрующіхъ. Но ученики Христа помнили слова своего Учителя: „Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“. Они смѣло умирали, вѣря, что побѣда останется за ними. Насиліемъ надъ плотію не побѣдитъ духа. Духъ человѣка не связанъ съ его тѣломъ. Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Не знаешь, откуда онъ приходитъ и куда уходитъ (Іоан. III. 8). Духъ Божій со смертію одного мученика приобщалъ все новые и новые ряды исповѣдниковъ къ воинству Христову. И въ концѣ концовъ, какъ мы знаемъ, христіанство побѣдило язычество. „Не воинствомъ и не силою, но Духомъ Моимъ“,—говоритъ Господь Саваоѣ (Зах. IV. 6).

Какъ нельзя побѣдить насиліемъ надъ плотію духа Христова, такъ нельзя бороться и съ духомъ Анти-

христа. Можно убить человѣка, но злого духа, живущаго въ немъ, не убьешь. Онъ найдетъ для себя новое жилище, „другіе сосуды“ (Римл. IX. 21, 22) или цѣлое свиное стадо (Мтѣ. VIII. 30), душевныхъ людей, не имѣющихъ Духа Божія (Иуд. 19). Можно вѣшать и разстрѣливать преступниковъ, но злого духа, толкавшаго ихъ на преступленія, мучительными казнями не уничтожить. Противъ духа нужны духовныя средства. „Сей родъ — говоритъ Христосъ, — изгоняется только молитвою и постомъ“. Поэтому, если видимъ разрастающееся зло на землѣ въ томъ или другомъ видѣ, мы должны всѣми силами души обратиться съ молитвою къ Богу, предварительно подготовивъ себя воздержаніемъ или постомъ. Тогда наша вѣра быстро возрастетъ, а съ нею—и духовныя силы, способныя побѣдить зло. Все возможно только вѣрующему.

— Все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою,—говоритъ Христосъ.—получите.

Однажды ученики спрашиваютъ Иисуса Христа, почему они не могли изгнать бѣса.

— По *невѣрью* вашему,—отвѣтилъ имъ Господь.— Если вы будете имѣть вѣру въ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда,—и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ.

Апостолъ Іоаннъ особенно ясно развиваетъ эту мысль, что духа заблужденія (1 Іоан. IV и V гл.) мы можемъ побѣдить только вѣрою. Онъ же предрекаетъ побѣду христіанъ и надъ цѣлымъ міромъ, но не насиліемъ и мечомъ, а терпѣніемъ и вѣрою (Апок. XIII. 10).

— Кто ведетъ въ плѣнь, — говоритъ онъ, — тотъ самъ пойдетъ въ плѣнь: кто мечомъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убиту мечомъ.

Проще: взявшіе мечъ, мечомъ погибнуть.

Но кто же побѣждаетъ міръ?

Тотъ, кто рожденъ отъ Бога, кто вѣруетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій (1 Іоан. V. 4, 5).

Будемъ же всегда помнить знаменательныя слова апостола, что *побѣда, побѣдившая міръ, есть вѣра наша!*

Ив. Ювачевъ.

Агнецъ Божій.

Картина изъ евангельской исторіи.

II.

ПРИ выходѣ изъ восточныхъ воротъ Іерусалима передъ вашими глазами открывается неровная дорога, окруженная съ боковъ горами песчаника. По лѣвую ея сторону вытянулась Масличная гора, которая на своемъ протяженіи къ востоку подходитъ къ холмамъ іерихонскимъ. По правую руку виднѣется Кедронъ. Дорога ведетъ на отлогое косогорье, откуда открывается чудный видъ на всю окрестность. Святая рѣка Іорданъ извивается по песчаной равнинѣ, какъ голубая лента, и тихо, спокойно, несетъ свои воды въ бассейны Мертваго моря. То тамъ, то здѣсь по его бере-

гамъ разбросаны рожицы финиковыхъ пальмъ, маслинъ и кое-гдѣ тутовыхъ деревьевъ. Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ рѣже попадаются такія рожи, пока, наконецъ, совсѣмъ не разстелится однообразная бесплодная равнина. Кое-гдѣ въ болотахъ, которыя образовались вблизи рѣки, вырастаетъ густой камышъ и тростникъ, какъ послѣдній клочокъ волосъ, оставшійся на темени оплѣшивѣвшей головы. Посмотрите еще дальше—и у васъ передъ глазами словно заблеститъ необозримое море обширной пустыни. песчаная сѣрая гладь которой при свѣтѣ налягающаго солнца походитъ на расплавленное море свинца. А тамъ, вдали, какъ огромная стѣна, снова поднимается рядъ горъ, заслоняющихъ предъ вами весь горизонтъ.

Стоять вамъ переѣхать на противоположную сторону рѣки—и вы на броду Виаавары...

Наанаиль и Іосифъ Аримаеянинъ пришли сюда въ первыхъ рядахъ многочисленной толпы. Іорданъ со всей окрестностью предсталъ предъ ихъ глазами.

— Гдѣ пророкъ?—спросилъ Наанаиль, поглядывая на волнующуюся толпу народа на противоположномъ берегу.

— Вотъ тамъ,—указалъ Іосифъ,—подъ той уединенной пальмой, склонившейся надъ берегомъ.

Наанаиль увидѣлъ высокую пальму и дальше за нею раскинутые шатры и сѣни, устроенныя для защиты отъ налягающихъ лучей солнца. Вокругъ пальмы толпилась масса народа, въ которой можно было различить еврейскіе хитоны, римскія тоги, плащи „сыновъ пустыни“, бедуиновъ. На берегу въ тѣни пальмы стоялъ человѣкъ съ поднятыми къверху руками и что-то говорилъ народу, который вошелъ въ воду и, скрестивъ на груди руки, преклоняя голову, благоговѣнно слушалъ его проповѣдь.

Голосъ пророка гремѣлъ подобно рыканію льва и далеко разносился по пустынѣ.

Перебравшись вмѣстѣ со священниками и левитами на ту сторону рѣки, Наанаиль услышалъ слова, отъ которыхъ замерло всё его существо.

„Я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе, но Идущій за мною сильнѣе меня; я недостойнъ развязать ремень обуви Его; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“...

Толпа разступилась передъ стражей, и священники съ левитами подошли къ самой пальмѣ. Старшій изъ нихъ выступилъ впередъ, но прежде чѣмъ начать разговоръ съ пустынникомъ, окинулъ его пронизывающимъ взглядомъ.

Пердъ нимъ стоялъ человѣкъ, который „имѣлъ одежду изъ верблюжьего волоса“, едва доходившую до сухихъ, загорѣлыхъ колѣнъ, и „поясъ кожаный на чреслахъ своихъ“. Загорѣлыя отъ солнца руки были обнажены до плечъ. Голову прикрывала густая, темная, какъ ночь, шевелюра, неприглаженные локоны которой беспорядочно ниспадали на лобъ и плечи. Судя по высохшему тѣлу и желтому цвѣту лица, по-

ХРИСТОСЪ И САМАРЯНКА.
(Еванг. Иоанна, гл. IV, ст. 1—42. — Съ картины А. Дорпа).

хожему на залежавшейся папирусь, можно было сказать, что пустынный достиг глубокой осени своей жизни, но его темные волосы и сверкающие огнем глаза говорили, что ему малымъ чѣмъ больше тридцати лѣтъ.

Священникъ, стоявшій впереди, заткнувъ обѣ руки за широкій поясъ, испытующе смотрѣлъ на проповѣдника. Тотъ отвѣтилъ ему жгучимъ взглядомъ и, протянувъ руку по направленію къ уединенной группѣ, таинственно о чемъ-то шептавшейся, воскликнулъ:

— Порожденія ехидны! Кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва? Сотворите же достойный плодъ покаянія и не думайте говорить въ себѣ: отецъ у насъ Авраамъ! Пбо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ этихъ камней,—указалъ пустынный на груди пещаника,—воздвигнуть дѣтей Аврааму. Уже приготовлена сѣкира: всякое дерево, не приносящее плода, будетъ срублено и брошено въ огонь...

Звучный голосъ и убѣжденный тонъ проповѣдника потрясалъ сердца слушателей. Наванаилу казалось, будто онъ слышитъ подземный гулъ—зловѣщее предостереженіе, что вотъ-вотъ начнется страшное землетрясеніе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ глубокимъ удивленіемъ, съ замраніемъ сердца ловилъ огненный взглядъ пустытника, способный, казалось, пронзить душу всякаго слушателя.

— Кто ты, пустынный?—воскликнулъ сильнымъ голосомъ священникъ:—Мессія?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ пустынный.

— Илія?

— Нѣтъ.

— Пророкъ?

— Нѣтъ.

— Да кто же ты? Вотъ, въ Іерусалимѣ и по всей Іудеѣ говорятъ о тебѣ. Въ храмѣ и синагогѣ только и рѣчь о твоей проповѣди. Такъ кто же ты, скажи, чтобы намъ дать отвѣтъ пославшихъ насъ сюда...

— Кто я? — воскликнулъ пустынный. — Я гласъ вопіющаго въ пустынь: исправьте путь Господу!

— Что же ты крестишь, если ты не Мессія, не Ілія, не пророкъ?

— Я крещу васъ въ водѣ,—отвѣтилъ пустынный,—но стоить среди васъ нѣкто, Котораго вы не знаете. Онъ—идушій за мною, но сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня. Лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ.

Священники перебросились многозначительными взглядами. Въ словахъ Крестителя не было ничего такого, за что можно было бы обвинить его передъ римскими властями. Но все же эта таинственная рѣчь звучала въ ихъ ухахъ, какъ раскаты грома. И нечаянно, на чемъ еще уловить проповѣдника, старѣйшій изъ посланныхъ спросилъ:

— Гдѣ же Тотъ, Который „идетъ за тобою“? Укажи на Него, чтобы и намъ увидѣть.

— Я Его не знаю. Но Тотъ, Который послалъ меня крестить водою, сказалъ мнѣ: „на Кого увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ.“

Пустынный еще не договорилъ этихъ словъ, какъ лицо его озарилось необыкновеннымъ свѣтомъ, который снова преобразилъ его. Молніеносный взглядъ его вдругъ сдѣлался нѣжнымъ и кроткимъ. Губы у него задрожали, какъ у человѣка, который что-то хотѣлъ еще сказать и вдругъ узналъ или увидѣлъ нѣчто, поразившее его до глубины души. Взглядъ его остановился, какъ прикованный, возлѣ юности Наванаила. И вдругъ онъ отшатнулся, какъ ужаленный. Къ нему приближался Незнакомецъ въ бѣлой одеждѣ, подбитой голубой матеріей, съ желтыми кистями внизу. По всему было видно, что Незнакомецъ только что пришелъ съ далекаго пути. На ногахъ у него были сандалии, а на головѣ бѣлое покрывало, спускавшееся съ темени до самыхъ плечъ. Мягкіе, волнообразные волосы Его отдавали цвѣтомъ поспѣлой оливы, подъ высокимъ челомъ сверкали большіе глаза, съ выраженіемъ благодости и милосердія. Чѣмъ дольше кто смотрѣлъ на эти глаза, тѣмъ все больше и больше чувствовалъ, какъ въ дуплѣ его разливалась какая-то теплота, какое-то сладкое чувство утѣшенія и надежды.

Наванаила охватила дрожь. Невѣдомая грусть завладѣла всею его существомъ. Ему хотѣлось упасть Пришельцу на грудь, обнять Его и въ объятіяхъ наплакаться слезами дѣтства, тѣми невинными слезами, которыя проливаются на груди матери и о которыхъ не смѣешь сказать, что вызываютъ ихъ: печаль, или радость полнѣйшей привязанности.

— Это Онъ,—шепнулъ Наванаилъ Іосифу взволнованнымъ голосомъ.

— Кто?

— Помнишь мой сонъ?

— Какъ же ты могъ узнать, когда не видалъ во снѣ Его лица?

— Я это чувствую, какъ чувствую Его присутствіе сряду три ночи. Кляпую Іеговой, это Онъ! Посмотри на пустытника: видишь, какъ стоитъ онъ—словно прикованъ къ этому Пришельцу.

Въ самомъ дѣлѣ, пустынный будто застылъ въ оцѣпенѣніи. Верхняя губа его все еще дрожала, какъ нѣсколько минутъ назадъ, и когда Незнакомецъ подошелъ къ нему ближе, онъ протянулъ свою руку впередъ и, указывая на Него, восторженно и торжественно произнесъ:

— Вотъ Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхи міра!

Среди присутствующихъ воцарилась гробовая тишина. Стоявшіе поодаль протискивались впередъ, чтобы взглянуть на Пришельца, а стоявшіе лицомъ къ лицу передъ Нимъ остались въ оцѣпенѣніи, испытывая сладкое чувство какого-то просвѣтленія души, словно пробужденіе послѣ томительнаго кошмара.

И въ этой тишинѣ пронесся нѣжный, задушев-
ный голосъ Пришедшаго:

— Иоаннъ:

Пустышникъ, все еще стоявшій какъ изваяніе, сразу
пришелъ въ себя и смиренно промолвилъ:

— Слышу, Господи!

— Я пришелъ креститься!

— Господи, мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и
Ты ли приходишь ко мнѣ?

— Оставь теперь, — кротко замѣтилъ Пришелецъ, —
ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду.

Этого было достаточно, чтобы Иоаннъ повиновался
и послѣдовалъ за Пришельцемъ къ рѣкѣ. И когда
Господь вошелъ въ воды Иордана, въ самомъ зенитѣ
неба блеснули яркіе лучи. Голубое небо раздвинулось,
и въ сильномъ потокѣ свѣта, лившагося съ необо-
римой высоты, послышался любвеобильный голосъ:

„Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ
Мое благоволеніе“.

— Голубь! — вдругъ сказала Иосифъ.

— Духъ! — воскликнулъ Наваанлъ.

Господь вышелъ изъ водъ рѣки и, нѣжно взгля-
нувъ на него, проникновенно сказалъ:

— Вотъ подлинно израильтянинъ, въ которомъ
нѣтъ лукавства!

— Равви! Почему Ты меня знаешь? — спросилъ
трепетавшій отъ радости юноша.

— Когда ты былъ подъ смоковницею, Я видѣлъ тебя.

— Равви! Ты — Сынъ Божій, Ты — Царь Израилевъ, —
въ восторгѣ лепеталъ Наваанлъ, весь охваченный благо-
говѣніемъ къ Господу, открывшему передъ нимъ свя-
тое святыхъ его души.

— Увидишь больше сего! — спокойно замѣтилъ ему
Господь. — Истинно, истинно говорю вамъ. — добавилъ
Онъ, обращаясь съ окружавшей Его толпѣ народа и
посланнѣмъ отъ синедриона: — отнынѣ будете видѣть
небо **отверстымъ** и **ангеловъ Божіихъ** восходящихъ
и **нисходящихъ къ Сыну Человѣческому**.

Народъ обратилъ свои взоры къ небу. И это го-
лубое небо, которое такъ видимо отверзлось, — это го-
лубое небо, съ котораго нисходятъ ангелы. „въ слу-
женіе посылаемые для уготованнѣхъ наследовать спасе-
ніе“ (Евр. I 14), стало „желаннымъ краемъ“ и за-
вѣтной мечтой всѣхъ „странниковъ и пришельцевъ“
на землѣ, не имѣющихъ здѣсь тихаго пристанища и
вздыхающихъ о грядущемъ царствѣ славы...

И. Мглинскій.

Потѣха кровавая.

(Изъ Библіи)

Въ маѣ 1223 года валь Русь, надъ нестрой-
нымъ великимъ княжествомъ, терзаемымъ меж-
доусобицами, проходили грозы великія. Шли эти
грозы по небу весеннему, а на землѣ тоже царяла
буря-гроза великая. На поляхъ заднѣпровскихъ та

гроза разбушевалась, разразилась, залила кровью
воевъ русскихъ, траву шелковую, побережья быстрой
Калки-рѣки. Весенній день уже къ вечеру склонялся.
Кровавые лучи солнца заходящаго освѣщали поле
бранное, покрытое тысячами тѣлъ окровавленныхъ.

Только что кончилась суровая битва на Калкѣ, гдѣ
легли князья южно-русскіе передъ силой татарской.
Торжествовали въ своемъ станѣ необозримомъ невѣ-
домые пришельцы изъ степей азійскихъ; кровавымъ
обычаемъ справляли они побѣду надъ ратями кiev-
скими, галицкими и другими мелкими дружинами.

Позорную неслыханную потѣху измыслили татар-
скіе ханы и мурзы... Вошь тамъ на холмѣ отлогомъ
выведенъ помостъ изъ бревенъ и досокъ тяжелыхъ,
а на томъ помостѣ татары кобылье молоко пьютъ, ко-
нину ѣдятъ, пляскою дикою тѣшатся... Но что за стоны,
что за скрежетъ зубовъ прорываются сквозь нѣсни
визгливыя, сквозь веселый гортанный говоръ татарскій?

Трое князей русскихъ обманомъ захватили татарове
злые и, на тѣлахъ ихъ сидючи, празднуютъ побѣду
кровавую. А солнце майское послѣдними лучами оза-
ряетъ пиръ разгульный, жестокосердый.

— Живъ ли ты, княже Метиславе? — раздается подъ
помостомъ голосъ жалобный, полузадушенный, полный
скорби и трепета. — Живъ ли ты, владыка кievскій?
Слышишь ли ты зовъ соратника своего?

— Слышу, слышу! — отзывается другой голосъ,
когда-то могучій и мощный словно громъ грозовой,
а нынѣ хриплый и сдавленный. — Раздробили ребра
мои, кости мои тѣ бревна татарскіе... Кровью схожу
по каплямъ, по струйкамъ малымъ... Но живо еще
тѣло могучее, бьется еще сердце ретивое. Еще душа
моя княжеская не вылетѣла бѣлымъ голубемъ къ пре-
столу Господа, къ небесамъ яснымъ. Сквернить уши
мои крикъ и хохотъ татарскій. Надвигается тьма на
очи уставшія. Кто молвилъ мнѣ слово: князь ли Андрей,
князь ли Александръ?

— То я, княже Метиславе: твой соратникъ, сому-
ченикъ, — князь Андрей Дубровецкій. А братъ мой Але-
ксандръ подлѣ меня стонетъ и смертную муку несетъ.

— Да, княже Метиславе, и я съ тобою послѣднюю
муку приѣмлю, — слышится третій голосъ, натружен-
ный, измученный. — Готовлюсь я Богу душу отдать, а
послѣднимъ словечкомъ съ другомъ и братомъ мѣ-
няюсь...

— Гой вы, други мои, соратники мои! — крикнулъ
князь Метиславъ Романовичъ Кievскій. — Ужели трое
лишь насъ осталось? Ужели всѣ другіе вои-впяти
побиты, порублены? Горе-бѣду послалъ Господь на
землю южно-русскую! Вѣдь сильна была рать наша и
крѣпка она подъ стягами своими стояла! Какъ же
одолила насъ проклятые?

— Готовлюсь Богу душу отдать, — повторилъ третій
голосъ, — и передъ смертнымъ часомъ именемъ Божіимъ
свидѣтельствую, что не лежитъ на русской рати по-
зора. Иль не храбры были дружины галицкія? Или

юные князья не разили татаровей—Даниилъ Романовичъ Волынской да Михаилъ Чермный да князь Всеволодъ Мстиславичъ?.. Шестъ князей полегло въ сѣчь жестокой—Святославъ Яновскій, Изяславъ Игоревичъ, Святославъ Шумскій, Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ, Юрій Несвижскій.. Цѣлые холмы изъ тѣлъ татарскихъ на берегахъ Калки-рѣки наколочены. Нѣтъ, не силою взяли татары, а нашимъ недружіемъ, нашей оплошкою да своимъ предательствомъ.

— Истину ты молвилъ, князь Александръ,—хрипя, отвѣтилъ князь Мстиславъ Кіевскій.—И на мнѣ не малый грѣхъ лежитъ. Надо бы намъ не разъединяться, надо бы на басурманъ тѣснымъ строемъ напасть. А я съ моею дружиной кіевской позады остался... Мнѣ бы молодыхъ князей-то удержать, а я о томъ и не pomysлилъ. Даниилъ Романовичъ да князь Мстиславъ Нѣмой впередъ вынеслись—враговъ-то довольно порубили да и сами полегли...

— Охъ, про насъ сказаны златыя слова Баяновы,—простонаятъ князь Андрей Дубровецкій.—Про насъ брягчалъ онъ на струнахъ сладкогласныхъ: „Дружину твою, князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея подлизали. Выронилъ ты, князь, жемчужную душу свою изъ тѣла мощнаго чрезъ ожерелье златое“...

— Господи! прости невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ,—громко застонавъ, крикнулъ князь Мстиславъ Кіевскій.—Кончаюсь я, братья!

— Господи, пріими души наши!—въ одинъ голосъ крикнули и оба князя Дубровецкіе.

Такъ силенъ и громокъ былъ ихъ вопль отчаянный, что на мигъ заглушилъ онъ шумъ потѣхи татарской. Прервалась пѣсня визгливая, остановилась пляска безумная. Стали татары прислушиваться.

— Господи, помилуй меня, грѣшника великаго!—воскликнулъ снова князь Мстиславъ, чуя конецъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—отчаянно застонали князя Андрей и Александръ.

И велѣдъ за солнцемъ меркнувшимъ, навстрѣчу тѣнямъ ночи наступающей понесся тотъ вопль страдальческій.

Грубо захохотали татары, разгадавъ откуда крики раздаются, и опять принялись они за свою потѣху. Хрустнули доски и бревна—и навѣки замолкли раздавленные князья южно-русскіе...

„Такъ на Калкѣ-рѣчущк
Злые татарове
Заваляли князей,
Князей Кіевскихъ;

Поломали бѣлы косточки,
Души изъ тѣла вышибли.
И взвилъсѧ душеньки
Ко престолу Божию“.—

говоритъ о мученикахъ-князьяхъ народная пѣсня...

Вл. Лебедевъ.

Вѣсти и замѣтки.

◆ Его Императорскому Величеству благоугодно было призывать въ Царское Село присутствующихъ въ Св. Синодѣ высшихъ іерарховъ: митрополитовъ с.-петербургскаго—Антонія, московскаго—Владимира и кіевскаго—Флавіана для непосредственнаго преподаванія царственныхъ указаній къ предстоящему созванію помѣстнаго собора всероссійской церкви. Освѣдомившись отъ вызванныхъ іерарховъ о положеніи предпринятыхъ уже для успѣшнаго созванія собора подготовительныхъ работъ, требующихъ труда и времени, Государь Императоръ соизволилъ высказать, что въ настоящее время, при обнаружившейся распатанности въ области религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ, благоустройство православной россійской церкви, хранительницы вѣчной христіанской истины и благочестія, представляется дѣломъ неотложной необходимости. Въ виду сего Его Величество Всемиловитѣйше повелѣтъ соизволилъ приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія собора въ ближайшее по возможности время.

Согласно сей Высочайшей волѣ, Св. Синодъ, помимо сдѣланныхъ уже съ его стороны распоряженій, предположилъ, для предварительнаго обсужденія, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ, какъ намѣченныхъ уже къ соборному разсмотрѣнію, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Св. Синодѣ особое присутствіе изъ представителей церковной іерархіи и другихъ духовныхъ и *святскихъ* лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и познаніями въ области богословія, церковной исторіи, каноническаго права и церковной практики.

◆ Нѣсколько сельскихъ священниковъ Московскаго и Подольскаго уѣздовъ вошли въ Московское Общество Люб. Дух. Просвѣщенія съ заявленіемъ, въ которомъ они описываютъ свое крайне тяжелое положеніе. Среди крестьянъ, говорятъ они, сейчасъ распространяются крайнія революціонныя идеи, и агитаторы ихъ для успѣшнаго проведенія ихъ въ народѣ обвиняютъ сельскихъ священниковъ въ принадлежности къ «черной сотнѣ», надѣясь тѣмъ самымъ устранить ихъ съ дороги, а себѣ получить полный просторъ въ дѣятельныхъ, между тѣмъ Высочайшій манифестъ 17 октября, возвѣщенный всему русскому народу о свободахъ, принять ими, сельскими священниками, съ полнымъ сочувствіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ агитаторовъ, составляются митинги, на которыхъ ведутся разсужденія, клонящіяся къ тому, что царь, церковь и духовенство народу не нужны, потому что всѣ они ложатся тяжелымъ бременемъ на народный бюджетъ; здѣсь, на митингахъ, внушается народу силой брать чужое добро, чужой лѣсъ, чужую землю на томъ основаніи, что земля—Божья и должна принадлежать крестьянамъ. Въ нашихъ мѣстахъ на эти митинги крестьяне приглашаютъ своихъ священниковъ и предлагаютъ разные вопросы, въ корнѣ задѣвающие сельское духовенство. Крестьяне, напр., предъявляютъ требованіе не вносить отъ церкви денежныхъ повинностей въ Св. Синодъ, отказываютъ давать деньги на содержаніе церковныхъ сторожей, грозятъ прекратить выдачу средствъ къ пропитанію причта, просятъ у священника благословенія на рубку лѣса у помѣщика, на заборъ чужой мельницы, и заявляютъ, что теперь у нихъ будетъ свое выборное духовенство. Кромѣ того священники указали на крайнюю необходимость руководственныхъ разъясненій высшей церковной власти по современнымъ политическимъ вопросамъ, а также на необходимость объединенія паствы для совмѣстнаго обсужденія церковной и общественной жизни. О-во Люб. Дух. Просв. составило для выясненія этого вопроса особую комиссію, которая пришла къ заключенію, что возбужденные паствярами вопросы могутъ быть рѣшены только на общепархіальномъ съѣздѣ. А пока высказала только слѣдующія руководящія начала, на которыхъ, по ея мнѣнію, должны покоиться объясненія священниковъ по поводу современныхъ событий:

С Х И М Н И Ц А.
(Рисунокъ С. Животовскаго).

1) Прежде всего пастырь церкви во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и взаимоотношеніяхъ съ людьми долженъ руководствоваться *принципами Евангелія и идеалами христіанства*, имѣя въ виду водвореніе въ людяхъ царства Божія.

2) Христіанство не связано неразрывно и точно ни съ какою опредѣленною формою народоправленія, ибо идеалы христіанства вѣчны, а строй, бывшій вполнѣ пригоднымъ и вполнѣ законнымъ для однихъ временъ, можетъ оказываться несоответствующимъ и недостаточнымъ для другихъ (какимъ, напримѣръ, оказался строй самодержавный). Этотъ принципъ видоизмѣяемости государственнаго строя, признанный Св. Синодомъ, особенно долженъ быть на виду у тѣхъ пастырей церкви, которые и до сихъ поръ стараются выступать на защиту стараго порядка, усматривая въ его паденіи и паденіе православія. Однако, христіанская церковь, не сливаясь и не сливаясь ни съ какою государственною формою, ни съ какою политическою партией, не безразлична къ формамъ народоправленія, и пастырь церкви можетъ указывать соответствие или несоответствие тѣхъ или иныхъ формъ жизни завѣтамъ Спасителя и покровительствовать тѣмъ социально-политическимъ формамъ, которыя представляются лучшими съ точки зрѣнія Христовой правды и истины.

3) Церковь Христова всегда стояла на сторонѣ справедливости хотя отдѣльные ея представители нередко нарушали эту справедливость и на этой основѣ можетъ благословлять всякія общественныя измѣненія, напр., о рабочемъ днѣ, трудѣ и пр., но, вѣрная завѣтамъ Спасителя о всенародномъ христіанскомъ братолюбіи, она отрицаетъ и порицаетъ всякое насилие, всякій произволъ, отъ кого бы они ни шли. Не христіанамъ кровью, убійствами и насиліемъ доказывать свою правду. Эту христіанскую истину пастырь церкви особенно нужно имѣть въ виду при обсужденіи вопросовъ о землѣ и частной собственности, когда нынѣ насиліе крайними политическими парціями часто ставится на мѣсто права. Также долгъ пастыря посилено и гдѣ есть возможность выступать добрымъ псаломникомъ о нуждахъ своихъ прихожанъ. Равнымъ образомъ пастырь церкви со всею силою долженъ возвысить свой голосъ противъ насилій и кровопролитій, чуждыхъ и противныхъ духу христіанства.

Эти „руководящія начала“, откровенно заявляющія, что „христіанство не связано ни съ какою опредѣленною формою народоправія“, и онакожъ „не безразлично“ къ этимъ формамъ, представляютъ, безспорно, слово справедливое. Дѣйствительно, вотъ уже два вѣка представители церкви соединяли, какъ нѣчто неразрывное, самодержавіе и православіе. А что между ними общаго? Самодержавіе — дѣло человеческое, а православіе — дѣло Божіе. Одно, самодержавіе, оказалось формою, не соответствующею правдѣ Божіей въ жизни людей, неужели-жъ это значитъ, что минули времена и для православія? Вѣковой неправдой было и то, что представители церкви заявляли, будто для нихъ вопросы государственныя „безразличны“, а въ дѣйствительности всегда стояли за власть — значитъ, относились не безразлично къ государственнымъ вопросамъ; значитъ, поддерживали „сильныхъ міра сего“. А гдѣ же ихъ заступничество за „труждающихся и обремененныхъ“ — за народъ, который долженъ быть для сердца пастырей ближе и дороже, чѣмъ власть и мущіе? Церкви прежде всего должна поддерживать интересы стороны гнетаемой и страдающей. Между тѣмъ чуть не со временъ святителя Филиппа не было слышно голоса въ защиту страдальца — народа. Превозносились несуществовавшія добродѣтели власти, и народъ призывался къ повиновенію властямъ, а власти къ повиновенію правдѣ Божіей не призывались.

Во многихъ газетахъ появились сообщенія, приписывающія Предсѣдателю Совѣта Министровъ заявленія о томъ, что Манифестъ 17 октября не внесъ существенныхъ измѣненій въ условия государственной жизни Россіи, что возвышенныя симъ Манифестомъ свободы и обеспеченныя за Думою права могутъ и не быть полностью осуществлены и что Самодержавная власть въ томъ видѣ, какъ осуществлялась до Манифеста, также будетъ продолжать дѣйствовать и впредь послѣ созыва Государственной Думы, безъ всякой перемѣны.

По поводу этихъ сообщеній Россійское Телегр. Агентство сдѣлало оффиціозное опроверженіе, въ которомъ категорически заявляется, что указанныя слухи

столь очевидно ложны, что не требовали бы и опроверженій, если бы они, къ сожалѣнію, не получили широкаго распространенія. Невозможность для графа Витте высказывать подобныя су-

жденія явствуетъ изъ того, что въ нихъ выражалось бы сомнѣніе въ объявленной непреклонной волѣ Государя Императора. Такое сомнѣніе, вообще недопустимое со стороны всякаго вѣрноподданнаго, очевидно, ни при какихъ условіяхъ не могло быть высказано Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Такое опроверженіе, конечно, ровно ничего не опровергаетъ, такъ какъ всецѣло основывается на предположеніи вѣрноподданчества, а это послѣднее можно понимать различно: вѣдь считаютъ же себя вѣрноподданными, напр. тѣ, которые ставятъ своею цѣлью не только сохраненіе самодержавія, но и организацію дружинъ для избиенія своихъ противниковъ. Болѣе характерной въ смыслѣ опроверженія могла бы быть «справка», напечатанная въ «Молвѣ» и подписанная нѣкоторыми представителями конституціонно-демократической партіи: г.г. Родичевымъ, Плассономъ, Пятелевымъ и др. Вотъ что они пишутъ:

Въ „Новомъ Времени“ появились разговоры графа Витте о значеніи манифеста 17-го октября. Графъ Витте, по словамъ газеты, утверждаетъ, что „Государь Императоръ и до сихъ поръ остается Царемъ съ неограниченной властью“, что „манифестъ 17-го октября ничего новаго въ основныя законы не внесъ“, и что „Государь Императоръ остается по прежнему владыкою самодержавнымъ“.

18-го октября 1905 года графъ Витте высказалъ намъ, нижеподписавшимся, взглядъ, категорически противоположный вышеприведенному. На выраженное нами сомнѣніе относительно возможности ограниченій въ примѣненіи конституціонныхъ началъ манифеста 17-го октября, — графъ Витте отвѣчалъ слѣдующими словами:

«Могу васъ увѣрить, господа, что Государь нашъ честный человекъ. Государь разрѣшилъ вопросъ о формѣ правленія для себя и для народа безповоротно. Отнынѣ самодержавіе въ Россіи нѣтъ, и больше быть не можетъ».

Однакожъ, злополучныя бесѣды графа Витте, въ которыхъ онъ истолковалъ самодержавіе въ такомъ смыслѣ, что отъ манифеста 17 октября остались одни пріятныя грезы о свободахъ, остается, повидимому, фактомъ. Недаромъ даже «Нов. Время» протестовало противъ большой охоты графа до бесѣдъ, которыя тотчасъ же «опровергались», какъ только вызвали нѣкоторый переполохъ въ печати. «Слово» очень опредѣленно высказывается, что «премьеръ»-графъ вообще очень охотно при случаѣ «мѣняетъ» свои взгляды и заявленія (смотря по обстоятельству). «Куда подуетъ вѣтеръ» и замѣчаетъ:

Правительство, ежедневно мѣняющее свою политику, не найдетъ исполнителей своихъ распоряженій: анархія охватитъ всю Россію, явится еще болѣе сильное сочувствіе революціоннымъ партиямъ, которыя постепенно переносятъ свою агитацію на сельское населеніе, и въ результатъ деморализуется армія. Вотъ, когда наступитъ этотъ моментъ, тогда только мы поймемъ, чего стоятъ всѣ обѣщанія гр. Витте съ его тройственной политикой, — то въ духѣ самодержавія, то въ духѣ конституціи, то въ духѣ государственнаго переворота

Затѣмъ газета дѣлаетъ очень интересную справку изъ недавняго прошлаго:

Рядомъ съ Высочайшимъ манифестомъ (гр. Витте) опубликовалъ и свой докладъ Государю. Смыслъ этого поступка былъ слишкомъ прозраченъ. Вся Россія и весь міръ должны были понять, что конституція дарована намъ по милости С. Ю. Витте. Опъ-де убѣдилъ царя, что „Россія переросла форму существующаго строя и стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы“...

Что въ планы графа Витте въ тотъ моментъ входило составленіе именно конституціи, можно найти и весьма серьезное косвенное подтвержденіе. За десять дней до манифеста 17-го октября кн. Мещерскій, — испытанный граммофонъ гр. Витте, — начинаетъ подготавливать придворные кружки къ отрѣшенію отъ самодержавія и къ воспріятію конституціи: „Все дѣло въ первомъ шагѣ: неприятно войти въ воду; но разъ вошелъ — не все ли равно, не много ли дальше пойдешь или немного ближе отъ берега. Этотъ первый шагъ былъ манифестъ 6-го августа съ возвышеніемъ Государственной Думы; онъ сдѣланъ, и „конституція“ является только вторымъ шагомъ, но уже безповоротнымъ“... Затѣмъ, во всѣхъ послѣдующихъ „Дневникахъ“, съ 7-го до 17-го октября кн. Мещерскій упорно проводитъ мысль, что самодержавіе признало себя „недостаточнымъ“, что оно само себя „ограничиваетъ“, что смѣшно послѣ того выступать въ защиту его, — это было бы „Донъ-Кихотствомъ“ и т. п.

Послѣ оглашенія манифеста, во время панихиды по Императору Александрѣ II, тотъ же кн. Мещерскій описываетъ душевные волненія, слушая „вѣчную память“, которая прозвучала въ Петропавловскомъ соборѣ „надъ послѣднимъ изъ Самодержавцевъ“... Сознаніе, что Россіи дана конституція было настолько ясно, что кн. Мещерскій рѣшилъ даже прекратить изданіе „Гражданина“, ибо защита самодержавія, упразднившаго себя актомъ 17-го октября, потеряла уже всякій смыслъ.

Итакъ, значеніе манифеста, значеніе доклада гр. Витте и рядъ „Дневниковъ“ его же прислужника, — свидѣтельствуютъ, что премьеръ считалъ себя главой конституціоннаго кабинета. Когда же предположенія графа Витте не сбылись и страна не умиротворилась,

гр. Витте открыто уже отрекается от конституции. Изволите ли видеть, онъ былъ „противникомъ“ издания манифеста 17-го октября“. Онъ былъ „вынужденнымъ“ авторомъ этого акта... Кто же кромѣ государя могъ вынудить графа къ составленію манифеста?

Вслѣдъ за легкомысленнымъ отреченіемъ премьера отъ своей же необдуманности начинаются его же разъясненія манифеста въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ даже намека на конституцію, что самодержавіе сохранилось во всей неприкосновенности, что основные законы ни на йоту не измѣнились и слѣдовательно Государь попрежнему „остается Царемъ съ неограниченной властью“ и потому можетъ „издавать манифесты“, можетъ „даровать подданнымъ *новыя права*“, равно „налагать на подданныхъ *новыя обязанности, расширять ихъ, сокращать и отмѣнять*“... Иными словами, изъ незыблемаго правила, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, не осталось и слѣда... Гр. Витте создалъ конституцію, онъ же ее и упразднилъ...

Одновременно съ премьеромъ заговорилъ въ томъ же духѣ и кн. Мещерскій. Онъ вдругъ въ „Дневникъ“ 28-го декабря загрузилъ о разлукѣ съ „Гражданиномъ“ и потому рѣшилъ, „не измѣняя программы“, т. е. выступая вновь на защиту самодержавія, продолжать издание „Гражданина“... Послѣ долгаго перерыва снова заговорилъ кн. Мещерскій о „Самодержавномъ Государѣ“.

Наиболѣе сильнымъ опроверженіемъ этихъ толковъ о поворотѣ къ прежнимъ порядкамъ, когда правительство не считалось съ волей и нуждами народа, можетъ служить слѣдующее официальное сообщеніе, объявленное послѣ вышеуказаннаго переполоха:

По высочайшему повелѣнію въ Советъ Министровъ внесено чрезвычайно важный вопросъ о согласованіи основныхъ государственныхъ законовъ съ законодательными актами 6 августа и 17 октября. Предварительная разработка этого вопроса закончена будетъ на-дняхъ. По обсужденіи проекта измѣненій въ Советѣ Министровъ онъ получитъ дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ и поступитъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совета.

Хотя „согласовывать“ вещи можно такимъ образомъ, что изъ самодержавія выйдетъ конституція, а изъ конституціи самодержавіе, — однако же, самое начало этой работы показываетъ, что правительство признаетъ нужнымъ не ограничиться одними только обѣщаніями, а провести что-то и путемъ законодательнымъ. Вся же въ цѣломъ эта исторія свидѣтельствуетъ, что для правящихъ сферъ конституція представляется, очевидно, горькую пилюлю. И это весьма понятно: вѣдь только казуисты или обманщики могутъ утверждать, что *самодержавіе* (т. е. самовластіе, ничѣмъ не ограниченная власть, имѣющая даже право жизни и смерти) и *конституція* (т. е. ограниченіе самовластія закономъ, выражающимъ волю народа) — совмѣстимы. Ни одинъ здравый человекъ этихъ понятій совмѣстить не можетъ: вѣдь достаточно повторить слова гр. Витте, что самодержавіе можетъ „сокращать“ дарованныя права или даже „отмѣнять“ ихъ. Самодержавіе дѣйствительно можетъ. Но потому-то и очевидно, что самодержавіе съ конституціей несовмѣстимо, что разъ остается самодержавіе, то незначѣмъ и составлять конституцію, какъ бы она ни называлась (дѣло не въ названіи).

Вопросъ о причинахъ крестьянскихъ волненій обсуждался между прочимъ на состоявшемся въ гор. Балашовѣ пастырскомъ собраніи священниковъ Балашовскаго уѣзда, мнѣніе которыхъ по этому предмету, какъ лицъ, близко знающихъ народную жизнь и едва-ли при этомъ могущихъ быть заподозрѣнными въ сочувствіи революционнымъ ученіямъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Пастырское собраніе пришло къ заключенію, что причинами современной крестьянской смуты и сопровождающихъ ее безпорядковъ слѣдуетъ признать:

а) малоземелье крестьянъ въ связи съ низкимъ уровнемъ земледѣльческой культуры; б) недостатокъ общаго и сельско-хозяйственнаго образованія крестьянъ и безправное положеніе ихъ; в) безнаказанное попираніе разными правительственными органами и даже частными лицами и тѣхъ малыхъ правъ, которыя даны крестьянамъ; г) дѣйствія и пропаганду крайнихъ революціонныхъ и реакціонныхъ партій на лицъ, и ходящихъ для своего воздѣйствія на народъ благопріятную почву вслѣдствіе крайняго обѣдненія и невѣжества деревни; д) отсутствіе для крестьянъ такого учрежденія, которое вѣдало бы ихъ нужды и отстаивало ихъ интересы и черезъ которое могъ бы быть слышенъ голосъ народа какъ по его собственнымъ пужамъ, такъ и по воп-

самъ государственнымъ; е) позоръ русско-японской войны, вызвавшей крайнее недовольство въ народѣ правящими классами; ж) отсутствіе народнаго контроля надъ расходованиемъ государственныхъ средствъ.

Военный советъ разъярился, что семьи военнослужащихъ и гражданскихъ чиновъ, покончившихъ жизнь *самоубійствомъ* на театрѣ военныхъ дѣйствій, пользуются правомъ на всѣ виды довольствія, установленныя для семействъ, главы которыхъ убиты или умерли на войнѣ.

Департаментъ государственныхъ имуществъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія обратился къ своимъ мѣстнымъ управленіямъ съ предложеніемъ доставить въ возможно скоромъ времени подробныя свѣдѣнія о земляхъ, принадлежащихъ казнѣ и находящихся въ ихъ вѣдѣніи, которыя могли бы быть отмежеваны для усиленія крестьянскихъ наѣловъ безъ чрезполосицы.

Кавказъ попрежнему въ огнѣ. Каждый день оттуда приходять все тревожныя вѣсти.

Одна заграничная газета по свѣдѣніямъ изъ Петербурга, утверждаетъ, что положеніе графа Витте въ высшей степени шатко. Царь постоянно высказываетъ свое неудовольствіе первому министру. Недавно отставка его была дѣломъ почти рѣшеннымъ. Преемникомъ его уже называли Дурново, нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, который все болѣе и болѣе захватываетъ власть въ свои руки. Даже сообщается, что Витте сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы помѣшать составленію кабинета съ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Гучковымъ во главѣ, къ чему имѣлось нѣкоторое стремленіе при дворѣ; графъ-премьеръ предпочелъ видѣть своимъ преемникомъ крутого Дурново, чѣмъ передать власть Гучкову, при которомъ его собственная дѣятельность могла бы подвергнуться очень невыгодному сравненію. Впрочемъ, утверждаютъ слухъ, что Витте во всякомъ случаѣ продолжитъ до созыва Государственной Думы.

Насколько вѣрно сообщеніе заграничной газеты, сказать затруднительно.

Министромъ народнаго просвѣщенія разосланъ циркуляръ о томъ, чтобы дѣти старообрядцевъ и сектантовъ принимались въ учебныя заведенія безъ предъявленія къ нимъ требованій изучать Законъ Божій православнаго исповѣданія и исполнять религіозныя обязанности и обряды по правиламъ православной церкви.

Почтовый ящикъ.

Крест-ну 3. В-му. Собранія, о которыхъ вы сообщаете, завязать отъ «усмотрѣнія» начальства. Что касается горькой крестьянской нужды, то кто же побользаетъ отъ этихъ нуждахъ, если не выборы отъ народа? На «попечительность» тѣхъ людей, которые «пекутся» о крестьянахъ только на словахъ, разсчитывать трудно.

Ф. К-ну. Можно выпечатать «Житія святыхъ» св. Филарета (цѣна за 12 книгъ 15 руб. съ перес. 18 руб.) или «Житія святыхъ» Протопопова (цѣна около 10—12 руб.).

Протоіерею Г. Д. Ваша замѣтка — горькая правда. Но развѣ можно ее напечатать, не возбуждая озлобленія и, что еще хуже, «непониманія», при которомъ люди не узнаютъ своихъ же друзей, заподозрѣвая ихъ въ какиихъ-то козняхъ? Въмѣсто благодарности, Вамъ пришлось бы прочитатъ только упреки. Вѣдь часто приходится вспоминать слова евангелиста: «своя своихъ не познаша».

Г. Овс-чу. Это вопросъ спорный; въ ближайшемъ номерѣ будетъ статья.

М. Н. Вашу статью («Правда ли?») напечатать не можемъ: слишкомъ рѣзка. Благодаримъ за сочувствіе.

Не будутъ напечатаны:

Кто родился и Слава Христу, стих. *Ф. Б-ка*;
Юродивый, стих. *Д. С-ва*; Бесѣда статья *Яр-ча*; Надѣль или передѣль, статья *Гласнаго* (Тонъ статьи — нехристианскій, историческія справки хромаютъ).

№ 2 журнала „Русскій Паломникъ“ сдать на городскую почту 15 января въ 12 ч. 30 м. дни, на иногороднюю 16 января.

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ И. Д. Θεодоровскій.